

Цзян Шоуянь больше не мог идти, поэтому Чэн Цзайе понёс его на спине вниз по заснеженному склону. Склон был крутым, но Чэн Цзайе ступал на редкость твёрдо. Цзян Шоуянь, слабо обхватив руками его шею, не чувствовал ни малейшей тряски. Уткнувшись подбородком в плечо Чэн Цзайе, он зафиксировал взгляд на какой-то невидимой точке в пустоте. Ему казалось, будто часть его чувств осталась в той ямке вместе с кольцом. Внутри стало очень пусто — так же пусто, как на этой белоснежной равнине.

Он был совершенно не приспособлен к этой гнетущей пустоте и изо всех сил пытался её чем-то заполнить, чем-то укутаться. Поэтому, выудив из чемодана всю тёплую одежду, он стал натягивать её на себя слой за слоем, пока не превратился в неповоротливый кокон. Но и этого Цзян Шоуяню казалось мало. Он замотался ещё и в то самое пёстрое одеяло и, в конце концов, забился в самый дальний угол машины. Прижавшись к стыку автомобильных стёкол, он тихо смотрел на Чэн Цзайе, который всё это время сидел впереди.

Обогрев в машине Чэн Цзайе убавил ещё в тот момент, когда Цзян Шоуянь начал натягивать на себя вещи. Он не пытался его остановить, а лишь дождался, пока тот затихнет, и мягко спросил:

— Хочешь пообниматься?

Всего несколько простых слов, но, достигнув слуха Цзян Шоуяня, они отозвались внутри горько-щемящей тоской. Он довольно долго, склонив голову, изучал взглядом Чэн Цзайе. Снегопад за окном усилился. Чэн Цзайе так и сидел неподвижно с распростёртыми объятиями, подобно маленькой горе. Скрестив ноги и прислонившись к спинке пассажирского сиденья, он спокойно и неотрывно смотрел на него.

Тогда Цзян Шоуянь сбросил с себя одеяло. В то мгновение, когда чужие руки крепко сомкнулись вокруг него, звенящая пустота, от которой никак не удавалось защититься одеждой и одеялами, кажется, начала понемногу заполняться. Щека Цзян Шоуяня коснулась молнии пуховика Чэн Цзайе. Почувствовав, насколько она ледяная, он повернул голову, прихватил собачку зубами, потянул вниз и уткнулся лицом в тёплую грудь Чэн Цзайе.

Чэн Цзайе обнимал его, успокаивающе похлопывая по спине. Из-за многослойной одежды Цзян Шоуянь ощущался в руках как шар. Чэн Цзайе произнёс:

— Вот бы ты и впрямь столько весил.

Цзян Шоуянь всё услышал и понял, но ему совсем не хотелось разговаривать, поэтому он выдержал долгую паузу, прежде чем ответить:

— Тогда бы я растолстел и стал как шар.

Чэн Цзайе, терпеливо ждавший его ответа, покладисто отозвался:

— Значит, я тоже немного поправлюсь, и оба будем, как шары.

Цзян Шоуянь коротко усмехнулся. Вчера ночью он почти не спал, и сейчас, свернувшись клубочком на груди у Чэн Цзайе под его мерные поглаживания, начал клевать носом.

— Что-то хочется спать, — сказал Цзян Шоуянь.

— Тогда спи, — ответил Чэн Цзайе. — Я лягу с тобой.

В салоне было тесновато для Чэн Цзайе, поэтому он лёг по диагонали, чтобы выгадать как можно больше места. Цзян Шоуянь, сидя на коленях посередине, смотрел, как Чэн Цзайе перетаскивает одеяло из багажника, затем тянется вперёд, чтобы прибавить температуру обогрева, и, наконец, усаживается обратно. Посмотрев на него, Чэн Цзайе спросил:

— Снимешь верхнюю одежду?

На Цзян Шоуяне было слишком много вещей: поверх короткого пуховика он натянул длинный. Надевая их, он не испытывал дискомфорта, но сейчас его мозг сфокусировался на слове «снимешь» и начал автоматически усложнять эту задачу. Цзян Шоуянь вдруг почувствовал, как одежда тяжёлым грузом давит на руки, и он просто не в силах их поднять. Его снова охватило раздражение из-за того, что он не может справиться даже с такой мелочью. Он чувствовал себя абсолютно никчёмным куском мусора, и ему до смерти захотелось исчезнуть.

Вот таким переменчивым и нестабильным было настроение Цзян Шоуяня в состоянии депрессии: любой пустяк мог окончательно его сломить. Но затем в его голове вновь прозвучали слова Чэн Цзайе: принять себя и стать лишённым мыслей деревом. Он поджал губы, по капле отсекая сумбурные мысли, принял собственное бессилие снять одежду и под спокойным взглядом Чэн Цзайе произнёс:

— Я не могу пошевелиться.

Чэн Цзайе с улыбкой потянул молнию вниз и помог ему снять верхний пуховик:

— Ничего страшного. Я помогу тебе раздеться.

— Можешь немного приподнять ноги? Ты сидишь на куртке.

Цзян Шоуянь приподнялся, и Чэн Цзайе проворно вытащил край одежды. Затем он успокаивающе приобнял его, похлопал ладонью по спине поверх одежды и, наклонившись, поцеловал в висок. Цзян Шоуяню нестерпимо захотелось расплакаться. Были вещи, о которых он ни за что не смог бы рассказать другим, но он мог сказать о них Чэн Цзайе. Потому что Чэн Цзайе был слишком хорош: он давал самую правильную, самую комфортную реакцию, а не допытывался, почему тот не может пошевелиться. И хотя в таком заботливом вопросе не было ничего плохого, он заставил бы Цзян Шоуяня ещё безжалостнее судить себя, а затем увязнуть в трясине внутренних терзаний. И правда, почему я не могу пошевелиться? Почему не способен даже на такую малость? И так по спирали, погружаясь всё глубже и глубже на дно.

Одежду, которую слой за слоем натягивал на себя Цзян Шоуянь, Чэн Цзайе терпеливо, вещь за вещью, снимал с него, пока не остались только свитер и нательное бельё.

Всю одежду они свалили на передние сиденья. За высокой спинкой Цзян Шоуянь её не видел, а потому она его не раздражала. Бросив туда же и свою куртку, Чэн Цзайе повернулся и увлёк Цзян Шоуяня за собой, укладывая в постель. Цзян Шоуянь с головой зарылся в одеяло. Прижавшись ухом к груди Чэн Цзайе, он слушал ровное биение его сердца. Тук, тук.

Чэн Цзайе слегка похлопывал его по спине. Мгновение спустя он вдруг почувствовал, как грудь обжигает чем-то горячим: Цзян Шоуянь, намертво вцепившись в его одежду, беззвучно плакал, заливая слезами его грудь. Чэн Цзайе ничего не сказал. Он просто обнимал его, мерно поглаживая по спине.

Заснеженный мир вокруг хранил безмолвие, в машине тоже было тихо. Цзян Шоуянь и сам не заметил, как уснул. Когда он снова открыл глаза, его лицо уже оказалось снаружи одеяла. Чэн Цзайе перебирал пальцами его волосы. Почувствовав движение под ладонью, он наклонился и посмотрел на него:

— Проснулся?

Цзян Шоуянь промычал в ответ, не желая открывать глаза. Поглаживая его по волосам, Чэн Цзайе предложил:

— Дело к полудню, а мы в жуткой глуши. Надо бы поискать какое-нибудь заведение, чтобы поесть.

Машина всё ещё стояла на той заснеженной равнине. Цзян Шоуянь потянулся и отодвинул шторку на окне. Снег перестал идти, и небо теперь застилала сплошная серая мгла. Поспав в объятиях Чэн Цзайе, он почувствовал, что голова заметно прояснилась. Он уткнулся лицом в грудь Чэн Цзайе, довольно долго ластился к нему, и лишь затем, растягивая гласные, снова промычал: «Угу».

Чэн Цзайе приподнял его на руках, выбрал с переднего сиденья подходящую одежду и собрался одеть Цзян Шоуяня. Тот забрал вещи и, опустив глаза, сказал:

— Я могу сам.

Настроение Цзян Шоуяня менялось очень быстро. Когда сознание было затуманено, он не придавал этому значения, но теперь, немного придя в себя, осознал, что за ним, как за ребёнком, ухаживает человек намного младше него, и ему стало неловко.

Чэн Цзайе обхватил его лицо ладонями, заставляя поднять голову. Их взгляды встретились. Глаза Цзян Шоуяня всё ещё были красными. Чэн Цзайе погладил большим пальцем уголок его глаза. В его собственном взгляде слились воедино любовь и желание. Совершенно не скрывая этого, он прямо и откровенно сказал:

— Не нужно смущаться. В будущем я потребую вернуть этот должок.

Под пристальным взглядом этих глаз у Цзян Шоуяня возникло порывистое желание вывернуть себя наизнанку, отдать ему всего себя без остатка. Но, заглянув внутрь себя, он понял, что и так пуст. У него ничего не было. Кажется, он снова загонял себя в тупик.

Чэн Цзайе слишком хорошо понимал, о чём думает Цзян Шоуянь. Потирая пальцами его щёку, он произнёс:

— Цзян Шоуянь, не смей накручивать себя.

Тот непонимающе посмотрел на него. Чэн Цзайе прикусил его губу, да так, что Цзян Шоуянь почувствовал боль и слегка нахмурился. Только тогда Чэн Цзайе отстранился и принялся медленно проводить по ней языком.

— Цзян Шоуянь, — позвал Чэн Цзайе. Цзян Шоуянь посмотрел на него из-под опущенных ресниц. — Я так добр к тебе, — с улыбкой произнёс он, поглаживая его по виску. — В будущем тебе придётся потихоньку за это расплачиваться.

Хотя это было сказано с улыбкой, Цзян Шоуянь, казалось, прочёл в его глазах совсем другие эмоции. Он не мог понять, что это за чувство.

Спальное место в багажнике было сложено. Цзян Шоуянь, закутавшись в одеяло, сидел на заднем сиденье и безучастно смотрел на водительское кресло. На самом деле ему не было холодно, просто хотелось во что-нибудь завернуться. Когда Чэн Цзайе не вёл машину, он мог обнимать его, а когда тот был за рулём — оставалось лишь обнимать одеяло и смотреть в спинку переднего сиденья.

Бескрайние белые пейзажи за окном незаметно сменились чем-то другим. Когда Цзян Шоуянь очнулся от своих мыслей, машина уже стояла. Выглянув в окно, он увидел толпу людей и неосознанно вжался глубже в сиденье. Чэн Цзайе заметил это в зеркало заднего вида. Понимая, что тот не хочет выходить, он обернулся и сказал:

— Подожди меня здесь немного, я схожу возьму еду навынос.

Цзян Шоуянь кивнул и проводил взглядом Чэн Цзайе, который открыл дверцу и направился в ресторанчик. Чэн Цзайе очень удачно припарковался: Цзян Шоуянь сквозь стеклянную витрину мог видеть всё — как он вошёл, как делал заказ и ждал, когда еду приготовят. Склонив голову на колени, он смотрел на Чэн Цзайе, и сквозь это расстояние их взгляды встретились. Чэн Цзайе стоял у входа. Высокий, с выдающейся внешностью, он привлекал взгляды прохожих, но не обращал ни на кого внимания — только на съевшегося в машине Цзян Шоуяня.

От одного лишь этого простого зрительного контакта Цзян Шоуяня окутало непередаваемое чувство душевного тепла. Ему так хотелось, чтобы время замерло на этом мгновении, но в то же время было немного обидно довольствоваться лишь одним этим мигом. Он увидел, как Чэн Цзайе вдруг опустил голову, расстегнул молнию на пуховике и стал что-то искать во внутреннем кармане. Заинтригованный Цзян Шоуянь слегка приподнял голову, а Чэн Цзайе с улыбкой показал ему сердечко. Цзян Шоуянь на секунду опешил, а затем тоже рассмеялся и пробормотал:

— Ребячество.

Так они и ехали с севера на юг, ночуя то в машине, то в отелях. По мере продвижения температура постепенно росла, и Цзян Шоуянь снимал с себя тёплые вещи одну за другой. Был уже конец ноября, во всех городах холодало, но иногда всё же выглядывало солнце.

В тот день Цзян Шоуянь разомлел на заднем сиденье под солнечными лучами. Чэн Цзайе заехал на территорию парка и нашёл парковочное место. Цзян Шоуянь немного подождал,

прислонившись к окну, но увидев, что Чэн Цзайе не двигается с места, наклонился вперёд и спросил:

— Ты же хотел в туалет? Не можешь найти? В парках они должны быть повсюду.

Чэн Цзайе пару раз провёл пальцем по экрану навигатора:

— До него далековато.

Цзян Шоуянь, перегнувшись через сиденье, взгляделся в экран:

— Да недалеко. Отсюда метров восемьсот, за пару минут дойдёшь.

Чэн Цзайе заблокировал телефон, повернулся и спросил:

— А ты не хочешь сходить?

Разморённый солнцем Цзян Шоуянь прищурился и, откинув голову на спинку сиденья, ответил:

— Не хочу. Подожду тебя в машине.

Чэн Цзайе бросил на него взгляд, затем снова уставился в телефон и повторил слова Цзян Шоуяня:

— Угу. Подожди меня в машине.

Цзян Шоуяню показалось, что Чэн Цзайе ведёт себя странно, но он не мог понять, в чём именно дело. Проводив взглядом фигуру Чэн Цзайе, пока та не скрылась на тропинке, он снова откинулся на заднее сиденье, погружаясь в мягкий золотистый свет.

В последнее время погода стояла просто чудесная — настолько, что даже окружающий мир казался Цзян Шоуяню чуточку приятнее. Деревья в парке зеленели, и он сам не заметил, как открыл дверцу машины и, пройдя вдоль аллеи, оказался у небольшого озера неподалёку.

Засунув руки в карманы лёгкой ветровки, Цзян Шоуянь стоял у деревянной ограды, нежась в приятных лучах солнца. Опустив взгляд на подёрнутую рябью гладь воды, он вдруг подумал, что было бы неплохо, если бы время навсегда замерло в эту секунду. Его любовь к Чэн Цзайе и желание умереть несколько не противоречили друг другу. Но, по крайней мере сейчас, ради Чэн Цзайе он был готов задержаться в этом мире ещё немного. Внезапно за спиной раздался голос:

— Не желаете печёного батата?

Почувствовав аппетитный запах, Цзян Шоуянь обернулся. Глядя на лежащие на краю жаровни клубни с подпалённой корочкой, он подумал: «Интересно, пробовал ли их когда-нибудь Чэн Цзайе?»

— Сколько стоит? — спросил он.

Мужчина, толкавший тележку, взглянул на него и ответил:

— Ты у меня сегодня первый покупатель, так что отдам по дешёвке — за пять юаней.

У Цзян Шоуяня не было особого аппетита, поэтому он взял один батат, чтобы разделить его с Чэн Цзайе. Пока он сканировал код для оплаты, продавец выбрал для него клубень покрупнее и положил в пакет. Цзян Шоуянь был приятно удивлён и с улыбкой поблагодарил его.

Он пошёл обратно, держа в руке пакет с печёным бататом, а мужчина со своей тележкой неспешно покатил следом. Цзян Шоуянь открыл дверцу и сел в машину, а продавец свернул на тропинку. Спустя мгновение с той же тропинки спустился Чэн Цзайе. В отличном настроении Цзян Шоуянь спрятал руки за спину и, хитро прищурившись, спросил севшего вперёд Чэн Цзайе:

— Угадай, что я купил?

Чэн Цзайе ответил не задумываясь:

— Печёный батат?

Цзян Шоуянь удивился:

— Как ты догадался?

Чэн Цзайе усмехнулся:

— По запаху.

Цзян Шоуяня с запоздалым пониманием кивнул, бормоча, что надо бы приоткрыть окно и проветрить. Он прямо в пакете разломил батат на две части — побольше и поменьше. Меньшую оставил себе, а ту, что побольше, вместе с пакетом протянул Чэн Цзайе:

— Пахнет очень вкусно. Интересно, сладкий ли.

Чэн Цзайе вытянул пару бумажных салфеток и передал ему. Одну Цзян Шоуянь постелил на колени — для кожуры, а вторую оставил, чтобы вытереть руки. Очистив батат, он обернул его кончик салфеткой и откусил кусочек. Он уже собирался поднять голову и сказать Чэн Цзайе, что это очень вкусно, но, встретившись с ним взглядом, внезапно осёкся. Выражение лица Чэн Цзайе показалось ему странным. Возможно, дело было в контровом свете, но в глубине этих глаз таилась какая-то... печаль.

Снаружи мелькнул человеческий силуэт. Чэн Цзайе отвернулся и встретился взглядом с тем самым продавцом батата, катившим свою тележку. Чэн Цзайе вспомнил их разговор, состоявшийся минут десять назад.

— Извините за беспокойство, — сказал тогда Чэн Цзайе, стоя на склоне и указывая в сторону парковки. — У меня тут возникло срочное дело. Не могли бы вы присмотреть за моим другом?

Он болен, и у него тяжело на душе. Боюсь, как бы чего не вышло, если он останется один. Вон та белая машина.

В последние дни это стало для Чэн Цзайе привычной рутиной. Если ему приходилось оставлять Цзян Шоуяня одного в машине, он всегда парковался так, чтобы она оставалась в поле его зрения. А если это было невозможно, он просил помощи у прохожих.

За те два с лишним месяца в Сан-Франциско, когда он работал ассистентом в проекте Чжоу Цзянь, посвящённом психическим заболеваниям, он повидал слишком много трагедий. Он видел пациентов, которые, не выдержав мучений, шли на крайние меры, и видел тех, чьё настроение внезапно улучшалось, но в итоге они всё равно выбирали смерть.

Чжоу Цзянь как-то сказал ему, что это нелёгкий путь. Но Чэн Цзайе не боялся трудностей — у него лишь щемило сердце от боли за любимого человека. Поэтому он изо всех сил старался быть осторожным. Ещё более осторожным. Образ Цзян Шоуяня, стоящего на краю обрыва и делающего шаг вперёд, мрачной тенью висел над сердцем Чэн Цзайе. Пережить подобное во второй раз он бы просто не смог.

— О? Это же тот самый мужчина, который продал мне батат. Он ещё специально выбрал для меня клубень покрупнее, — Цзян Шоуянь, чьё настроение заметно улучшилось, говорил не так, как обычно: его речь стала чуть быстрее. — И правда очень вкусно.

— Да? — отозвался Чэн Цзайе.

Заметив, что тот не торопится чистить свою порцию, Цзян Шоуянь поднёс свой очищенный кусочек к губам Чэн Цзайе:

— Попробуй, сам узнаешь.

— Сладко?

Чэн Цзайе улыбнулся и ответил:

— Сладко.

<http://bllate.org/book/14908/1644664>